

Глава 1

Водитель такси напоминал мне Харона, перевозящего души мертвых через подземную реку Стикс. Если бы кто-то задался целью придумать образ Харона двадцать первого века, естественно.

Седой, ухоженный, в классическом черном костюме, он сидел за рулем с идеальной осанкой и в абсолютной тишине. Не было ни рассуждений о жизни, политике, ценах на бензин или мигрантах — таксисты у нас любят поболтать. В машине не играла музыка, а через закрытые окна не проникали звуки с улицы. Я не могла оторвать взгляд от необычного, почему-то немного пугающего профиля мужчины. Да, он бы здорово сыграл саму Смерть в каком-нибудь сериале.

На город опустились ночь и туман. Не редкость для нашего захолустья. Мы ехали медленно, свет фар едва позволял увидеть хоть что-то. На несколько секунд я закрыла глаза.

Даже не помню, как поймала машину. Только непреодолимое, почти невыносимое желание уехать как можно дальше помню очень хорошо. Не знаю,

куда меня везет водитель-Харон. И, если вдуматься, это довольно опасно. Никто не знает, где я, телефон остался дома, в пылу ссоры я даже не подумала его взять. В сумке немного денег, хватит на оплату такси и... что? Дешевый номер в мотеле? Койка в хостеле? Кажется, как-то так начинаются все репортажи о пропавших девушках.

«После ссоры с родителями девятнадцатилетняя Аида Даркблум ушла из дома и не вернулась. В последний раз девушку видели садящейся в машину без опознавательных знаков. Особые приметы: длинные русые волосы, спортивная фигура, шрам на правой руке, одета в джинсы и черную толстовку. Просьба всем, кто обладает какой-либо информацией, связаться с родными по телефону ХХ-ХХ-ХХ или через службу 911».

Брр. Я поежилась.

Это же не попутка. Я всегда вызываю такси через приложение, по нему легко отследят, если что-то пойдет не так.

«Стоп! Телефон ведь остался дома...»

Во рту пересохло. Я резко открыла глаза и выпрямилась.

— Извините, куда мы едем?

В боковое окно почти ничего не было видно, только туман, кусок дороги и что-то темное вдаль. Кажется, мы ехали по мосту.

— Туда, где вам нужно быть, — отозвался водитель.

— А-а-а... где мне нужно быть?

— А вы не знаете?

— М-м-м... Я... Так странно, я не помню, что сказала вам, когда садилась. Не помню, куда хотела уехать. В отель? Или...

— Мы едем на вокзал, мисс Даркблум.

На вокзал. Что ж, это логично. Я психанула, сбежала из дома и еду на вокзал, потому что поезд — единственный способ убраться из проклятого города. Зря не взяла телефон. Можно было бы посмотреть, куда отправляются ближайшие поезда.

Я всегда хотела уехать. Слишком многое здесь напоминало о счастливой жизни, которой никогда больше не будет. От нее остались только красивый дом в дорогом районе, пара коньков и мачеха, вдруг с чего-то решившая, что моя жизнь принадлежит всецело ей. Она выбрала мне колледж, вычеркнула отца из нашего мира после его смерти.

— Вот теперь ты свободна, — пробормотала я. — Больше никаких обязательств. Никакой навязанной падчерицы. Наслаждайся.

Водитель если и услышал, то не подал виду.

Наконец мы остановились. Из-за тумана и темноты (когда-нибудь в городском бюджете появятся средства на освещение, но точно не сегодня) сложно было разглядеть, где станция, но раньше я часто бывала здесь и нашла бы зал ожидания с закрытыми глазами. Надеюсь, там есть кофе. И надеюсь, мне хватит денег на что-нибудь съестное, потому что организм уже дошел до стадии, когда от голода просто тошнит. Не помню, когда в последний раз ела. Утром?

— Мы приехали, мисс Даркблум.

— Спасибо. Сколько с меня?

В машине не было никакого счетчика.

— Вы уже расплатились со мной. Все в порядке. Удачи, мисс Даркблум.

— Спасибо... — Я нахмурилась, но распахнула дверь и вышла наружу.

За все это время водитель даже не обернулся. Когда я огляделась и поняла, что совсем не знаю место, в котором очутилась, машины уже не было.

— С какой стороны ты меня привез?

Все вокруг напоминало самую обычную платформу. За ее краем виднелись рельсы, над головой от дождя защищал высокий купол. На ближайшем столбе обнаружили часы.

— Семнадцать-семнадцать? Да вы издеваетесь! Могли бы хоть часы починить.

Судя по тьме вокруг, времени не меньше восьми, а то и ближе к девяти. И народу уже никого, а в час пик на станции не протолкнуться. У нас почти нет работы, многие ездят в соседний город, да и студенты как раз в это время возвращаются домой.

Ладно, к черту всех. Надо найти расписание, кассу, купить билет и дожидаться ближайшего поезда. Там смогу поспать, на кофе и сэндвич уже даже не надеюсь.

Только где вокзал?

Наугад, совершенно не помня, где располагался злополучный переход в здание вокзала, я побрела по платформе. Стук каблуков эхом проносился по пусто-

му пространству. Туман немного рассеялся, оставив вместо себя промозглый холод. Жаль, не захватила плащ или куртку. Зря я не собрала никаких вещей. Но если бы я попыталась, мачеха поняла бы, что я хочу сделать. И вместо вокзала я бы оказалась заперта в своей комнате.

И вдруг впереди показалась фигура. Одиноким пассажир, ждущий поезда — то, что надо! Выясню, куда он собрался и где кассы.

— Извините! Извините, вы мне не поможете?

Довольно привлекательный шатен в темном классическом костюме-тройке обернулся и посмотрел так, словно не ожидал меня увидеть. Даже сверился с часами, затем снова перевел на меня взгляд и нахмурился.

— Аида? Аида Даркблум?

— Мы знакомы?

— Еще нет. Я ждал тебя на час позже. Это странно.

— Почему? Ждали? А вы кто?

Он снова посмотрел на наручные часы, затем на часы на столбе.

— О, я опять забыл про часовые пояса. Ну, конечно, ты Аида Даркблум, и ты совершенно вовремя! Как себя чувствуешь, малышка?

— Э-э-э... нормально, а что?

— Тошнота? Головокружение? Замерзла?

— Да, немного, но...

— Это нормально. Скоро пройдет. Итак, на чем предпочитаешь добираться? Самолет, машина, пароплан, дирижабль? Выбери дирижабль, а? Его никто никогда не выбирает, а мне ужасно любопытно.

— Добираться куда?

— В мир мертвых, разумеется. Ты что, не знаешь, что умерла?

Я рассмеялась. Немного наигранно и недоверчиво, потому что атмосфера вокруг совсем не располагала к веселью. Но часть меня все же надеялась, что мужчина рассмеется в ответ и скажет, что это он так пошутил. Но он смотрел совершенно серьезно.

— Нет. Я не в курсе, — посерьезнев, сказала я. И зачем-то добавила: — Извините.

— Ничего страшного. Стоит только оштрафовать подчиненного, как он тут же начинает саботировать процесс и скидывать свою работу на чужие плечи.

— Вы о чем?

— Не важно. Выбери, пожалуйста, транспорт, Аида. Это важно, поверь мне.

По коже прошелся мороз, и вдруг показалось, что да, действительно важно.

— Хорошо. Поезд.

— Поезд? — Незнакомец нахмурился. — А почему?

— Мы же на вокзале, — пожала плечами я. — Логично, что отсюда уезжают на поезде.

Мужчина с интересом огляделся, словно впервые видел место, в котором находился.

— Надо же, и правда. Вокзал что-то значит для тебя?

Тут я уже не выдержала. Шутка затянулась. Я не умерла, я сбежала из дома и собираюсь уехать так далеко, как смогу. Найти работу, встать на ноги

и никогда больше не вспоминать о городе, в котором выросла.

— Знаете что? Отстаньте от меня. Иначе я попрошу полицию вами заняться. Всего доброго.

— Ты где-то видишь полицию?

Я развернулась, чтобы уйти. До сих пор понятия не имея, где здание вокзала. Просто хотелось оказаться как можно дальше от незнакомца. Выбросить из головы странную встречу.

— Там ничего нет, Аида! — крикнул он мне в спину.

Не знаю почему, но я остановилась.

— Там пустота. Ты умерла, и Харон переправил тебя через реку мертвых. Теперь у тебя только один путь — со мной. Поезд отвезет тебя в следующий этап. Здесь ты лишь потеряешь время и в конечном счете себя. Не уходи с платформы, Аида. Иначе я тебя не найду.

Кажется, я уснула в машине где-то на мыслях о водителе-Хароне. А может, он все же оказался маньяком и усыпил меня, чтобы зверски убить в ближайшем лесочке. А я сейчас вижу глюки от лекарств. Хотя в этом случае незнакомец даже не врет, я действительно почти умерла. Может, подсознание так пытается намекнуть, что садиться в чужую машину без приложения такси было не лучшей идеей?

Я все же дошла до края платформы, намереваясь вернуться туда, где остановилось такси. И тут же отпрыгнула в ужасе: из белесого тумана появилась рука. Жуткого красноватого цвета, она хаотично царапала бетонный пол в паре дюймов от моих ног.

— Я говорил, что не стоит. Вернись, пожалуйста, к поезду.

— Эт-то что? — От холода, пронзившего тело, я начала стучать зубами.

— Те, кто предпочел остаться здесь. Не доверившиеся проводнику души. Не войдешь в вагон — останешься с ними навсегда.

Обернувшись, я увидела поезд. Он прибыл совершенно бесшумно, не издав ни единого шороха. Без опознавательных знаков и светящихся табло, поезд казался одновременно до боли знакомым и в то же время какой-то... пародией на реальный. В нем определено что-то было не так, но сколько бы я ни рассматривала, не могла понять, что именно.

В детстве почти каждые выходные мы с отцом садились на поезд и ехали осваивать новый городок. Бродили по улицам, изучали кафешки, придумывали истории про жителей. Иногда веселые, иногда добрые, иногда страшные или грустные. Возвращались затемно, к тому моменту я уже дремала, закутавшись в папину куртку, и он нес меня домой от самой станции, так осторожно, как мог, чтобы не разбудить. А я притворялась, что у него получается.

Мужчина сделал приглашающий жест. Я еще раз обернулась к туману, но рука уже исчезла, хотя на камне остались глубокие царапины.

Пусть это сон, бред, галлюцинация — мне не хотелось проверять, что будет, если шагнуть в туман. Поезд хотя бы примерно соотносится с первоначаль-

ным планом. А зомби или что там неупокоенное лезло — нет.

Внутри поезд совсем не напоминал те, на которых мы ездили с отцом. Вместо удобных рядов сидений — потертые кожаные диваны вокруг деревянных столиков, вместо светодиодных ламп — канделябры со свечами. А еще ковры, тяжелые шторы на окнах и даже небольшой рояль в конце.

Мужчина выбрал один из столиков и кивнул:

— Садись.

Украдкой я ущипнула себя за запястье. Определенно больно. Но может ли быть больно во сне?

— Ты не спишь и не бредишь, и галлюцинаций у тебя нет.

— Откуда вы...

— Все думают одинаково. Все пытаются уйти. Все не верят.

Поезд медленно тронулся, оставляя платформу и туман позади.

— Но ты умерла, Аида. Придется в это поверить.

— Докажите! — потребовала я. — С чего мне вам верить? Порой люди, которые были под наркозом, рассказывают сказки и похлеще. Может, сейчас я лежу без сознания? Или кто-то подсыпал что-нибудь в мой бокал? Или я просто сплю и вижу интересный сон, который потом запишу и превращу в книгу. Стану богатой и знаменитой, как Роулинг... Кстати, вот! Мы едем на поезде в таинственный другой мир. Все, как в моих любимых фильмах.

— Мы едем на поезде, потому что поезда для тебя обладают какой-то эмоциональной ценностью. Подозреваю, фильмы тоже — оттуда и отсылки. Пока ты не ступила на порог нашего мира, реальность вокруг питается твоей смертной жизнью. Но подумай сама. Что последнее ты помнишь?

— Как поймала такси, чтобы поехать...

— Нет, что последнее ты помнишь до машины.

Я умолкла. Ссору с мачехой помню отлично, как выскочила из дома, на ходу натягивая куртку — тоже. А дальше...

— Ты не помнишь, как поймала машину. Как села в нее. Как проделала часть пути. Если ты уснула или отключилась в баре, то почему не помнишь, как пришла в бар?

— Потому что иногда кратковременная память дает сбой... — не очень уверенно произнесла я.

— Или потому что момент смерти человека всегда окутан туманом. Чтобы не травмировать и без того шокированную душу. Вот что я тебе предлагаю, Аида. Представь, что я прав. Да, это может оказаться сном или бредом, но ты все равно не можешь заставить себя очнуться. Так притворись, что веришь мне. Ты умерла. Что думаешь?

— Что это несправедливо, — пожала плечами я.

Мужчина посмотрел на меня так, словно слышал подобные фразы каждый день: равнодушно и немного устало. Будто моя смерть для него — всего лишь работа, и в конце дня он забудет о девице, сидящей

напротив, сойдет с поезда и пойдет в бар, чтобы выпить стаканчик-другой.

— Почему же?

— Мне всего девятнадцать. Я ничего не успела.

— А что такого ты спешила сделать, что не успела? Думаешь, мир не переживет, что ты не получила диплом средненького колледжа и не провела всю жизнь менеджером в супермаркете? Или что не рассталась с девственностью на выпускном? Или катастрофой для человечества станет твоя незакрытая кредитка? Кстати, чужая.

— Не чужая, а мачехи, — буркнула я, покраснев.

Он определенно знает обо мне если не все, то многое. Что говорит в пользу теории о бреде. И почему до сих пор не представился сам?

— Почему-то вы все считаете, что в ваших смертях есть трагедии. Будто то, что вы не прожили еще десять-двадцать-тридцать лет — ужасная несправедливость. Хотя на самом деле всем плевать. Миру плевать.

— Но не близким.

— Не им, — согласился незнакомец, и я даже приободрилась — нашли-таки точку соприкосновения!

Правда, потом он тут же снова вылил на меня психологический ушат холодной воды:

— К тебе это не относится, Аида. О твоей смерти никто не переживает.

На этом мы замолчали. Я сидела, насупившись и сложив руки на груди, а мужчина безмятежно смотрел в окно, за которым, впрочем, ничего не было — только туман, густой и непроглядный.

— Как это случилось? — Я не выдержала первой. — Как я умерла?

— Понятия не имею, мне это не интересно. Да и тебе тоже. С этим пусть разбираются живые, у тебя свой путь.

— И куда же он ведет? — ехидно поинтересовалась я. — И почему его не видно?

— Потому что мы еще не перешли границу нашего мира. Сейчас я расскажу о нем побольше. Но сначала возьми печенье.

— Что? — не поняла я.

Вместо ответа незнакомец кивнул на дверь между вагонами, которая в следующую секунду открылась. Сначала показалась тележка со снеками и чаем, а следом за ней грузная женщина средних лет с абсолютно равнодушным выражением лица. Я бы сказала, на нем было написано что-то вроде: «задолбала работа».

Лишь при виде нас она немного оживилась.

— Сэм, ты сегодня лично?

— Да, Клара. Работаю внеурочно. Это Аида.

— Что будешь, Аида? — Она зевнула.

— Эм... ничего, спасибо.

— Возьми, — вздохнул мужчина, чье имя я теперь узнала. — Чтобы успешно перейти границу, тебе нужно съесть что-то из нашего мира. Ты что, мифов не читала?

— Это, в смысле, зернышко граната?

— Граната нет, — ответила Клара. — Печенье будешь?

— Давайте. — Вздохнув, я махнула рукой. Они все сумасшедшие.

Мне выдали пачку самого простого галетного печенья — и Клара с тележкой покатались дальше. Я не удержалась и вплоть до момента, когда за ней закрылась дверь, пыталась рассмотреть что-нибудь в соседнем вагоне. Там тоже едут души?

На вкус печенье оказалось похожим на пенопласт. И я не для красного словца сравнила: в детстве я отгрызла целый кусок от пенопластовой упаковки телевизора. Пережевывала белые гранулы, пока не спохватился папа и не отвез меня в больницу. Нас оставили там на ночь, мне не разрешали есть, а есть хотелось со страшной силой, и папа придумывал игры, чтобы отвлечь меня от голода.

— Мое имя Самаэль, — сказал мужчина.

Это нехорошо. Точно не к добру.

— Когда человек умирает, его душа попадает ко мне, и я решаю, как с ней поступить — это если вкратце. Хотя на самом деле ко мне попадают единицы, в основном этой работой занимаются другие.

— И почему я в числе этих единиц?

— Разумеется, потому что ты — избранная с уникальным даром. Существует пророчество, согласно которому от ужасного проклятия наш мир спасет юная девушка необычайной красоты и редкого ума. Хм... И правда, а что, собственно, ты тут делаешь?

— Очень смешно.

— Все были заняты по моему же приказу. Решил прогуляться сам.

— И запутались в часовых поясах.

— Знаешь, не помню в последнее время ни одной души, которую бы мне так хотелось отправить в Аид.

Хм, забавно. Аид — похоже, так у них называется ад, и мое имя — Аида. Немного нетипичное, надо сказать. Но мама ведь была актрисой. Им свойственны чудачества. Сейчас это прозвучало даже иронично.

— Значит, это не ад. И мы в него не едем.

— Не ад. А ты как думаешь? Куда ты попадешь?

— Мне кажется, я в целом неплохой человек, — пожала плечами я. — Наверное, в рай.

— Ты не хороший человек, Аида.

— Тогда зачем спрашиваете?! Что я такого сделала, что заслужила ад? Позаимствовала кредитку?! За это даже срока нет, а вы в ад отправляете!

— За это есть срок вообще-то. Но я не сказал, что мы отправим тебя в ад. Все несколько сложнее. И вообще не относится ни к аду, ни к раю, ни к прочим концепциям загробной жизни. В нашей Вселенной, бесконечной и безграничной, есть два типа миров. Немагические — такие, как твой. И магические — как мой. Немагические миры самые ценные и прекрасные. Они уникальны. Земля — настоящее чудо. То, как она сформировалась, развилась, какой прекрасной и дарующей жизнь стала. Магические миры скромнее, хотя мы и научились создавать красоту для самих себя. Но все же ее не сравнить с красотой естественной.

Поняв, что не могу проглотить больше печенья, чем уже съела, я завернула остатки в пергаментную

бумагу и положила на столик. Судя по тому, что Самаэль ничего на этот счет не сказал, я справилась с задачей.

— Испокон веков жители магических миров призваны хранить и оберегать немагические миры. К сожалению, мы не можем жить на Земле вечно, мы не созданы для такого мира. И ограничиваемся лишь короткими яркими жизнями, на которые способны наши тела. Ну а после смерти этих тел души возвращаются в родной мир, и мы оцениваем, как они справлялись со своей задачей. Хранили ли вверенный им мир? Или подталкивали его к гибели? Творили добро или множили зло? Нашли гармонию в красоте природы или погрязли в потреблении? Ну и так далее.

Сказать ему, что миссия провалилась, или пусть продолжает безмятежно мчаться в загробный Хогвартс на старом поезде с пенопластовым печеньем? Для чего бы ни заселяли Землю людьми, они определенно не продвинулись в ее сохранении. Откровенно говоря, я думаю, мы даже немного ее подпортили. Местами.

— Конечно, тех, кто справился с миссией, меньшинство. Они отправляются в Элизиум — колыбель всех душ, мир света, покоя и любви.

Зато теперь понятно, почему я мимо. Спасение мира, сохранение природы и все такое — точно не ко мне. Пожалуй, выражение «погрязла в потреблении» стоило бы вставить в резюме, оно очень четко описывает ступень развития, на которой я находилась до того, как неизвестный маньяк в автобусе устроил

мне встречу с Самаэлем. Или не маньяк, а кирпич. Или грипп. А может, я сдохла со скуки на очередной лекции или меня пришибло стеллажом в библиотеке.

— Самые темные и грязные души, неспособные быть хранителями, отправляются в Аид на вечные муки.

Он произнес это как-то... холодно, угрожающе и бесконечно серьезно. В Аиде не шутят, это было ясно по взгляду Самаэля. Я хоть и постаралась сдерживать реакцию, все же украдкой поежилась.

— Остальные, как правило, имеют нулевую ценность. Они немного творили добро, немного вредили своим, миру и вышли в ноль. Им дается еще один шанс, они перерождаются в новом мире и снова пытаются.

— И я...

Я бы не хотела переродиться. Наверное. В этой жизни я была симпатичной. Русая девушка с карими глазами — классический образ эмигрантки из России. А если я перерожусь в мужчину? Или в какого-нибудь аборигена с экзотических островов? Хотя уж они-то точно находятся в гармонии с природой и не оскверняют ее красоту айфоном.

— А ты — пограничное состояние. Ты не успела сгноить свою душу, однако уверенно к этому шла. Твои поступки по большей части не несли глобального вреда миру, который тебя отправили хранить. Однако они вредили душам вокруг тебя. Ты знаешь, что причинение физического увечья стоит куда меньше, чем нанесенная душевная рана? А ты, Аида, нанесла их многим. Мачехе, например.